

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. БЕЗЪЕМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца. . . . 2 » — »
 Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Открытіе Америки. ***. — II. Переселенцы. Гл. I, II, III. Л. Ловягина. — III. Сонъ полей. (Стих). Н. Позняковъ. — IV. На свеклосахарномъ заводѣ. Н. Кувшинниковъ

ОТКРЫТІЕ АМЕРИКИ.

I.

Христофоръ Колумбъ.

ВЪ СРЕДНІЕ вѣка, во времена нашествія варваровъ, всѣ племена, народы и государства смѣшались, и силы Европы были истощены. На этихъ развалинахъ стараго міра возникъ міръ новый, разцвѣли искусства, распространилась торговля и затеплилась вѣра. Средоточіемъ этой новой жизни Европы сдѣлалась Италия.

Крестовые походы ввели христіанъ въ сношенія съ внутренними странами Азіи; а удивительные рассказы венеціанца Марко Паоло возбудили желаніе увидать страны Востока. Марко Паоло рассказывалъ о какомъ-то необыкновенномъ государствѣ, а гдѣ оно находится, этого опредѣлить, настоящимъ образомъ, никто не могъ. Одни указывали его во внутренности Африки, другіе у стѣнъ Китая.

Сверхъ того носились тысячи слуховъ о баснословномъ царствованіи попа Ивана.

Все это такъ увлекало умы, что въ концѣ тринадцатаго столѣтія торговое и промышленное движеніе направилось на Востокъ.

Около этого же времени замѣтили, что намагниченная игла, положенная горизонтально на шпиль, всегда обращается къ сѣверу. Опытъ повторяли тысячу разъ и всегда выходило одно и то же. Такимъ образомъ въ концѣ четырнадцатаго столѣтія былъ открытъ компасъ и сталъ входить во всеобщее употребленіе.

По желанію португальскаго инфанта Генриха открыть моремъ путь въ восточную Индію, и по его настроенію, многіе мореплаватели пустились вдоль западнаго берега Африки, отъ мыса къ мысу, отъ рѣки къ рѣкѣ; отъ мыса Баядора къ мысу Рыцаря; отъ мыса Рыцаря къ мысу Бѣлому; отъ мыса Бѣлаго къ мысу Зеленому, оттуда отправили въ Лиссабонъ нѣсколько негровъ, это были первые негры, появившіеся въ Европѣ. Негровъ приняли ласково, осыпали подарками; но съ этого же времени это несчастное племя было обречено на рабство.

Вскорѣ открыли южную оконечность Африки, и ужасный мысъ Бурный предсталъ со своими ураганами. Тутъ увидали, что моремъ можно достигнуть восточной Индіи, — и названіе мыса Бурнаго переимѣнили на мысъ Доброй надежды.

Первые мореплаватели, приставшіе къ Азорскимъ островамъ, на самомъ западномъ изъ нихъ, — островѣ Корвѣ уви-

дали статую, испещренную іероглифами, простирающую руки къ западу. Никто не обратилъ вниманія ни на положеніе этой статуи, ни на смыслъ іероглифовъ,

Между тѣмъ, одинъ великій человѣкъ обращалъ взоры въ одну сторону съ этой статуей. Человѣкъ этотъ былъ — Христофоръ Колумбъ.

Колумбъ также былъ занятъ открытіемъ морскаго пути въ Индію, только пути противоположнаго тому, по которому стремилась толпа его современниковъ.

Слыхалъ ли онъ о норвежскихъ рыбакахъ, закинутыхъ, какъ говорятъ, бурей на сѣверъ Америки? вѣрилъ-ли греческимъ и римскимъ преданіямъ, показывающимъ на Западѣ необозримую страну, которую Платонъ называетъ Атлантидою? зналъ-ли онъ что нибудь объ обломкахъ дерева, отдѣланныхъ съ искусствомъ чуждымъ Европѣ, выброшеннымъ волнами съ береговъ Америки на берега Азоры?

Должно быть всѣ эти обстоятельства только утверждали Колумба въ его намѣреніи.

Сколько препятствій, сколько огорченій долженъ былъ испытать Колумбъ прежде, чѣмъ пуститься на славное поприще. Бѣдность тѣснила того, кто долженъ былъ увеличить вчетверо количество золота и серебра, бывшаго тогда въ Европѣ. Долго составленіемъ и черченіемъ географическихъ картъ добывалъ себѣ насущный хлѣбъ тотъ, который положилъ весь свѣтъ на нынѣшнія карты.

Ученые того времени едва удостоивали его своего вниманія; тысячами замѣчаній отвергали его чертежи, отданные ихъ разсмотрѣнію. Колумбъ обратился было къ королю Португаліи Іоанну II съ своими планами, просилъ его участія и помощи, но получилъ отказъ. Неудача не охладила его.

Въ 1483 году Колумбъ отправился въ Испанію, взявши съ собой малолѣтняго сына своего Діега. Въ одинъ изъ мрачныхъ, душныхъ вечеровъ они достигли небольшого городка Палоса, лежащаго въ Андалузій, постучались у воротъ Францисканскаго монастыря. Колумбъ, утомленный заботами и

усталостию, попросилъ у привратника кусокъ хлѣба и воды. Въ это время начальникъ монастыря, Иоаннъ Перець, проходилъ вблизи воротъ; не смотря на бѣдную одежду Колумба, онъ былъ пораженъ его величественнымъ видомъ и отпечаткомъ гениальности, выражавшейся во всѣхъ чертахъ его благороднаго лица, и пригласилъ его не только что переночевать въ монастырѣ, но и пробыть въ немъ сколько ему заблагоразсудится.

Колумбъ съ благодарностию принялъ предложеніе Переца, и эта случайная встрѣча сдѣлалась источникомъ величайшихъ событій не только что для Испаніи, но и для цѣлаго свѣта.

Наружность и рѣчь путника, обратившія на него вниманіе настоятеля, вмѣстѣ съ этимъ возбудили въ немъ участіе и любопытство, которыя Колумбъ и удовлетворилъ съ своей обычной простотою и откровенностию.

— Я уроженецъ Генуи, говорилъ Колумбъ, съ дѣтства любимой забавой моей было дѣлать кораблики и лодочки, и спускать ихъ на воду. Когда настало время учиться, больше всѣхъ наукъ я полюбилъ географію, потомъ увлекся астрономіей и науками относящимися до мореплаванія, особенно любилъ я рассказы путешественниковъ, зачитывался записками Марко Паоло, собственноручно списалъ ихъ и никогда съ ними не разставался. Очерки его острова Сипанго — полнаго золотомъ и драгоценными каменьями, возбуждали во мнѣ непреодолимое стремленіе отыскать этотъ островъ. Мысль эта не покидала меня ни днемъ, ни ночью, а увѣренность въ возможности открыть путь къ этой странѣ моремъ съ каждымъ днемъ все больше и больше усиливалась. Меня не страшили ни бури, ни ураганы, ни скалы, ни морскія чудовища, и наконецъ родилось намѣреніе обратиться къ кому нибудь изъ царствующихъ лицъ съ просьбою дать мнѣ два или три корабля и отправиться на нихъ для открытія острова Сипанго, который, по описаніемъ Марко Паоло, долженъ находится тамъ, гдѣ закатывается солнце. Получивши отказъ

отъ короля Португаліи, къ которому я было обращался съ просьбою о помощи, я рѣшился предложить свои услуги королю Испаніи, съ этой цѣлью и прибылъ въ эту сторону.

Донъ-Перець былъ человѣкъ просвѣщенный, онъ понялъ и оцѣнилъ великую идею геніальнаго человѣка и не только что не сталъ отвлекать его отъ плановъ и цѣли, но предложилъ свое содѣйствіе. Когда Колумбъ собрался отправиться въ Кордову, гдѣ въ то время находился дворъ Фердинанда и Изабеллы, Перець предложилъ ему оставить у него маленькаго Діега и дать рекомендательныя письма къ одному изъ друзей своихъ, который имѣлъ сильное вліяніе при испанскомъ дворѣ. Колумбъ радостно принялъ предложеніе и помощь Переца,—горячо обнявъ своего новаго друга и сына, не безъ слезъ простился съ ними, отправился въ путь и вскорѣ прибылъ въ Кордову. Колумбу въ это время было около сорока лѣтъ, но онъ казался старше — огорченія и труды оставили глубокіе слѣды на его наружности.

Въ эту эпоху всѣ католическіе короли были заняты войной съ маврами, окончившейся паденіемъ Гренады. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, Колумбъ съ большимъ трудомъ достигъ быть принятымъ при дворѣ. Фердинандъ почти не обратилъ вниманія на слова Колумба; но королева Изабелла благосклонно выслушала генуезскаго моряка, обѣщавшаго Испаніи громадныя богатства и новыя царства. Духовныя лица, ученые, астрономы назначены были разсматривать проекты Колумба, и онъ самъ говорилъ съ ними съ такой благородной простотой и увѣренностію въ истинѣ своего дѣла, что всѣ согласились съ нимъ. Изабелла присоединила Колумба къ своей свитѣ, съ полнымъ содержаніемъ и прислугою, а между тѣмъ распорядилась, чтобы готовили три каравеллы, на которыхъ онъ долженъ былъ отправиться для открытія новыхъ государствъ.

Пока все это происходило и устраивалось, прошло около пяти лѣтъ, тяжелыхъ для Колумба. Наконецъ, Гренада пала—и желаніе Колумба исполнилось. Во дворцѣ Альгамбры,

Изабелла возвела Колумба въ званіе великаго адмирала и правителя тѣхъ государствъ, которыя онъ откроетъ, вмѣстѣ съ этимъ отдала подъ его начальство три каравеллы, которыя вооружали въ гавани. Колумбъ, исполненный радости и счастья, тотчасъ отправился въ Палось, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія для путешествія и обнять своего сына и друга Переца.

II.

Открытие Нового Свѣта.

Когда въ Палось пришелъ приказъ королевы готовить корабли и набирать матросовъ на долгое плаваніе по океану, то никто не рѣшался пуститься въ такое опасное путешествіе. Избранные для этого моряки говорили, что ихъ отправляютъ на вѣрную смерть. Со всѣхъ сторонъ слышался ропотъ, и не смотря на царскій приказъ никто не рѣшался рисковать своимъ кораблемъ. Съ большимъ трудомъ удалось Колумбу собрать одну каравеллу и нѣсколько человекъ.

По счастью два брата, по имени одинъ Винцентъ, а другой Алонзо Пинсоны, искусные, смѣлые моряки, дали свои двѣ каравеллы, съ условіемъ, чтобы они сами и управляли ими. Ихъ примѣру послѣдовало много моряковъ. Наконецъ, сто двадцать человекъ сѣло на три корабля, которыми управляли Колумбъ, Винцентъ и Алонзо, и пустились отыскивать дивный Сипанго, драгоцѣнности котораго должны сдѣлаться неистощимымъ источникомъ богатства Испаніи.

Вскорѣ Испанія скрылась отъ путешественниковъ—и ихъ окружило только небо и вода. Въ эту торжественную минуту одинъ Колумбъ сохранялъ полное присутствіе духа и неутомимо слѣдилъ за направленіемъ компаса. На Канарскихъ островахъ они запаслись свѣжими запасами. Послѣ чего плыли мѣсяць въ одномъ направленіи, не встрѣчая и малѣйшаго признака земли, какъ вдругъ прилетѣли двѣ птички и сѣли на мачтѣ одного изъ кораблей. По мнѣнію Колумба это было признакомъ близости земли. Въ то же время, цвѣтъ

моря, котораго не касался ни одинъ корабль Европы, изъ сянго превратился въ зеленый отъ множества различныхъ травъ, плававшихъ на его поверхности.

Матросы, волнуемые ожиданіемъ, съ высоты мачтъ слѣдили за малѣйшими признаками и нетерпѣливо ждали увидать землю. Когда же имъ встрѣтился обломокъ корабельной мачты, то они пришли въ отчаяніе.

Древнія преданія указывали на Западѣ, за извѣстными предѣлами, грозную руку сатаны, которая захватывала суда, разбивала ихъ и увлекала на дно. Когда ходъ корабля не требоваль помощи рукъ, великое, необъятное предпріятіе было предметомъ разговоровъ всего экипажа; всѣмъ представлялись страшныя чудеса, которыми воображеніе народовъ наполняло эти отдаленныя моря.

Между тѣмъ, Колумбъ въ уединенной каютѣ каравелы, при свѣтѣ одинокой лампадки, дѣлалъ и тысячу разъ передѣлывалъ въ умѣ своемъ вычисленія, которыя занимали цѣлую жизнь его; онъ ошибался въ разстояніяхъ: земля, которую онъ отыскивалъ, была гораздо далѣе, чѣмъ онъ предполагалъ; кромѣ того, вѣрный его путевоитель,—компасъ, началъ измѣнять ему; конецъ иглы сталъ уклоняться къ западу; это глубоко встревожило его.

Наконецъ между матросами послышался ропотъ, говорили, что изъ за мечты Колумба они должны гибнуть вдали отъ женъ и дѣтей своихъ. Ропотъ сталъ превращаться въ угрозы. Колумбъ видѣлъ какъ опасность съ каждымъ днемъ увеличивается, старался поддержать довѣріе и указывалъ на разные признаки близости земли. Но, не смотря на эти признаки никакой земли не было, хотя плыли они уже слишкомъ два мѣсяца. Самые смѣлые моряки потеряли бодрость и надежду, даже братья Пинсоны, опасаясь за жизнь адмирала, умоляли его возвратиться въ Испанію. Между тѣмъ, тайный ропотъ обратился въ заговоръ; всѣ ожидали только удобнаго случая, чтобы привести его въ исполненіе. Наконецъ, терпѣніе матросовъ лопнуло, и со всѣхъ сторонъ посы-

пались угрозы смерти; но Колумбъ не потерялся.— Хорошо, сказалъ онъ, если черезъ три дня мы не увидимъ земли, даю вамъ слово возвратиться въ Испанію и оставить предпріятіе, обѣщавшее намъ славу и богатства.

Слова эти, сказанныя твердымъ тономъ, заставили всѣхъ умолкнуть, но они рѣшили между собой, что если черезъ три дня земли не будетъ, то заставить адмирала возвратиться на родину.

Мало по малу стали показываться всѣ признаки земли: стаи мелкихъ, разноцвѣтныхъ птичекъ летали около мачтъ корабля, изъ моря вытащили свѣжій кустъ съ красными ягодами; воздухъ дѣлался благоуханнѣе, вѣтеръ часто измѣнялся, особенно по ночамъ.

Колумбъ въ эти три дня не спалъ ни днемъ, ни ночью, постоянно наблюдалъ то звѣзды, то компасъ, и самъ управлялъ ходомъ корабля. По его приказанію, на каждой каравеллѣ, на главной мачтѣ находился матросъ, чтобы видѣть какъ можно далѣе, и обѣщаль тому, кто первый увидитъ землю, пожизненный пенсіонъ, большую денежную награду и бархатную мантию.

Наканунѣ третьяго дня, при закатѣ солнца, Колумбъ объявилъ всему экипажу, что на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, передъ ними предстанетъ земля,—велѣлъ подобрать паруса и приближаться съ большою осторожностью, чтобы корабли не набѣжали на скалы, которыми легко быть можетъ окружень берегъ.

Не смотря на то, что не вполнѣ довѣряли словамъ адмирала, когда настала ночь, никто не спалъ на кораблѣ, всѣ въ сильномъ волненіи оставались на палубѣ. Ночь была прекрасная, прозрачная, корабли медленно подвигались впередъ. Колумбъ слѣдилъ за всѣмъ внимательно.

Около полуночи, вдали показался огонекъ. Колумбъ позволилъ къ себѣ пажа королевы и показалъ ему этотъ свѣтъ; огонекъ двигался и перемѣнялъ мѣсто—вѣроятно его несъ путникъ по берегу.

Едва только занялась утренняя заря, какъ передъ плавателями, въ недалекомъ разстояніи, все яснѣе и яснѣе сталъ обозначаться восхитительный берегъ, покрытый роскошной зеленью, громадными лѣсами душистыхъ деревьевъ, ароматы которыхъ доносились до нихъ легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ.

При открывшейся землѣ, крики радости слышались со всѣхъ трехъ кораблей, окружавшіе Колумба товарищи, проливая слезы раскаянія, обнимали его колѣни, просили прощенія. Великій мореплаватель поднялъ ихъ ласково, и въ то время, когда всѣ, полные счастья, осыпали его благословеніями, а какъ бы вновь созданный имъ міръ поднимался изъ глубины водъ, — онъ, воздѣвши руки къ небу, благодарилъ Творца за видимое осуществленіе своей обширной мысли и за достиженіе великой цѣли.

Новый Свѣтъ былъ открытъ.

III.

Лукайскіе острова.

Передъ очарованными взорами Колумба и всего экипажа, первые лучи солнца озарили улыбающіяся, ароматныя долины, свѣжія році, плодоносные лѣса и прозрачныя воды. Колумбъ былъ увѣренъ, что это одинъ изъ восхитительныхъ острововъ, описанныхъ Марко Паоломъ, а можетъ и самый Сипанго, полный драгоценностей.

Онъ велѣлъ кораблямъ приближаться къ берегу, надѣлъ на себя богатую пурпуровую мантию, взялъ въ руки королевское знамя, съ вышитыми на немъ вензелями Фердинанда и Изабеллы, потомъ, съ двумя начальниками судовъ и сильными гребцами сѣлъ въ легкія шлюпки и поплыли къ берегу — и первый ступилъ на новую землю. На землѣ Колумбъ опустился на колѣни, обнялъ ее и горячо молился. Поднявшись, онъ вынулъ мечъ, развернулъ королевское знамя, водрузилъ его въ землю и громкимъ голосомъ объя-

вилъ, что эта земля принадлежит Испаніи, и назвалъ островъ Санъ-Сальвадоромъ, т. е. островомъ спасенія. Это совершилось 11 ноября 1492 года.

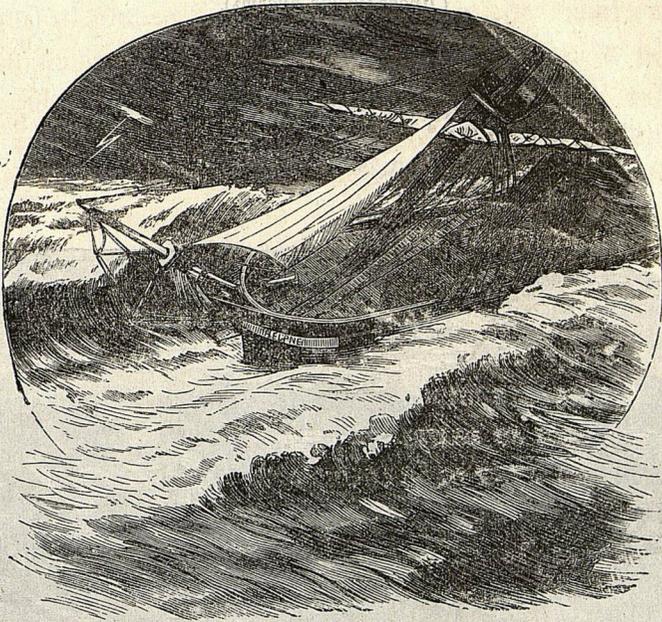
Дикіе жители страны, увидавши плавающіе дома и незнакомыя существа, отъ страха попрятались въ лѣса, но по мѣрѣ того, какъ шлюпки приближались къ землѣ, толпами стали собираться на берегъ. По ихъ быстрому движенію и волненію замѣтно было, что они съ изумленіемъ смотрятъ на приближеніе иностранцевъ. Колумбъ былъ увѣренъ, что онъ достигъ береговъ Индіи, а народъ этотъ—индійцы, и отдалъ приказъ обращаться съ туземцами кротко, лаской расположить и привлечь ихъ къ себѣ.

Испанцы были поражены всеѣмъ, что ихъ окружало. Ихъ удивляли и травы, и цвѣты, и деревья, и птицы, и звѣри—все совершенно различное съ европейскимъ; дивилъ и мѣдно-красный цвѣтъ кожи туземцевъ, испещренный странными узорами. Головы дикарей, съ гладкими, черными волосами, ниспадавшими до плечъ, были украшены разноцвѣтными перьями. Въ ушахъ у нихъ висѣли раковины, блестяція перышки, золотые листочки и кусочки чистаго золота. Многіе изъ нихъ держали и легкія тростниковыя стрѣлы, заостренныя камешками. Когда нѣсколько матросовъ хотѣли къ нимъ приблизиться, то они бросились бѣжать и скрылись въ лѣсъ. Матросамъ удалось поймать одного изъ дикарей и привести къ адмиралу. Колумбъ обласкалъ его, надѣлъ ему на шею стеклянное ожерелье, на голову шапку, въ уши навѣсилъ серьги, погремушки, колокольчики—и отпустилъ его на волю.

Когда бѣдный дикарь прибѣжалъ къ своимъ, то они столпились вокругъ него и съ изумленіемъ разсматривали полученные имъ подарки.

Мало по малу дикари сдѣлались смѣлѣе и наконецъ толпами стали окружать испанцевъ. Они удивлялись бѣлой кожѣ ихъ лица, разсматривали ихъ одежду, оружіе и предлагали имъ на промѣнъ ихъ ожерелій, серегъ, мѣдныхъ пуговокъ и побрякушекъ—попугаевъ, стрѣлы, плоды, хлопчатую бумагу,

Когда же съ корабля сдѣланъ былъ выстрѣлъ изъ пушки, то бѣдные дикари въ ужасѣ попадали на землю, они думали, что это громъ небесный поразилъ ихъ.

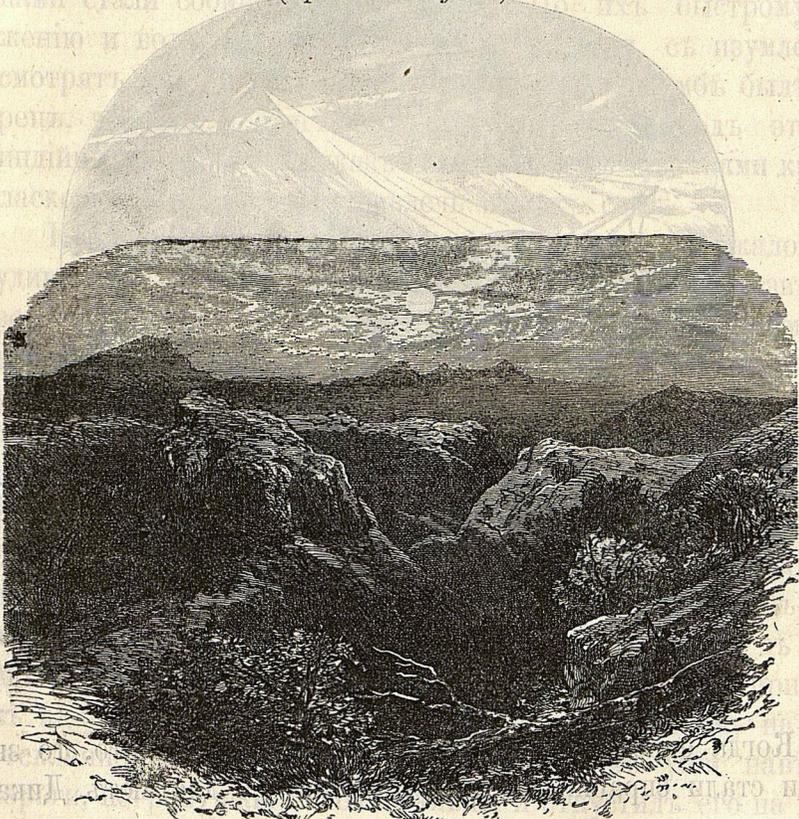

Когда европейцы замѣтили на дикаряхъ золото, то знаками стали спрашивать ихъ, гдѣ они его достаютъ. Дикари указали на югъ и знаками старались дать имъ понять—тамъ далеко отъ нихъ находится обширная страна. Колумбъ по ихъ отвѣтамъ предположилъ, что та далекая страна и есть именно Сипанго, а куда они пристали—только небольшой островъ. Лаской и подарками онъ уговорилъ нѣсколькихъ дикарей ѣхать съ нимъ въ эту страну. Они согласились пуститься въ море на корабляхъ, на которыхъ не могли надивиться и канатамъ, и мачтамъ, и пушкамъ.

Островъ, къ которому присталъ Колумбъ, принадлежалъ къ многочисленной группѣ небольшихъ острововъ, называющихся Лукайскими, которая, такъ же какъ и нѣсколько другихъ небольшихъ группъ находятся между двухъ великихъ частей свѣта.

* * *

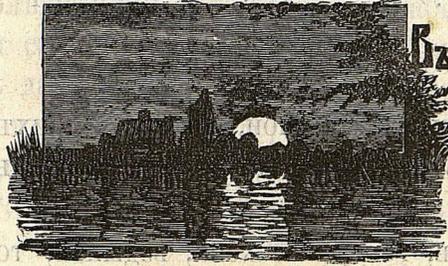
(Продолженіе будетъ).

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(Изъ Нирица).

Воздушные замки.

Въ одномъ изъ городовъ Германіи, въ давнее время, жилъ столяръ Эрихъ съ женой и четырьмя дѣтьми. Эрихъ былъ человѣкъ честный, отлично зналъ свое ремесло, поэтому у него было постоянно много заказовъ, которые онъ исполнялъ съ точностію при помощи четырехъ подмастерьевъ. Жилъ Эрихъ въ довольствѣ, въ собственномъ домикѣ, купленномъ на трудовыя деньги. Казалось, чего же бы еще желать?—А между тѣмъ онъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ. Эриху пришлось какъ-то прочесть нѣсколько книгъ, въ которыхъ чрезвычайно заманчиво описывалось житье въ свободной Америкѣ, и еще больше наслушаться ропота разныхъ пріятелей, недовольныхъ порядками своей страны, и онъ вдругъ затосковалъ, и все ему опостылѣло. Всѣ законы отечества стали казаться ему стѣснительными,—его раздражала плата податей, плата за освѣщеніе улицъ, за

мостовья, за страхованіе домовъ, за право заниматься своимъ ремесломъ, не говоря уже о налогѣ въ пользу бѣдныхъ.

— Ну, на что это похоже, говорилъ Эрихъ сердито, это грабежъ! что ни шагъ, то и плата! ихъ такая пропасть, что иную и позабудешь! а въ Америкѣ то-ли дѣло! тамъ и землю-то даютъ даромъ; а за все остальное если придется заплатить разъ въ годъ, такъ и то какую-нибудь бездѣлицу.

Жена Эриха и всѣ близкіе старались успокоить его, объясняли, что за разныя подати онъ пользуется многими удобствами общественной жизни. Эрихъ не хотѣлъ и слушать. Всѣ возраженія только сердили его. Онъ сталъ все больше и больше задумываться, отсталъ отъ ѣды и отъ работы, не обращалъ вниманія на дѣтей, только и дѣлалъ, что читалъ путешествія, да толковалъ съ пріятелями объ Америкѣ; наконецъ рѣшилъ, что ему ничего не остается больше, какъ переселиться въ Америку, и мало-по-малу сталъ продавать свое имущество.

Жена втихомолку плакала.

— Когда ты не хочешь ѣхать со мной, говорилъ Эрихъ женѣ, оставайся здѣсь съ дѣтьми, а когда я устроюсь въ Америкѣ, пріѣзжайте ко мнѣ.

— Если необходимо ѣхать, говорила жена, вздыхая, то ужъ лучше вмѣстѣ, хотя сердце и разрывается у меня.

— Не разрываться должно твое сердце, а радоваться будетъ, когда мы заживемъ владѣльцами нѣсколькихъ сотъ десятинъ лучшей, плодородной земли. Часть земли мы оставимъ подъ лѣсомъ. И что за лѣсъ! бѣлый и черный дубъ, каштаны, орѣшникъ, сахарный кленъ, шелковица, яблони, персики, вишни—и пропасть другихъ деревьевъ. А птицы! а звѣри! золотые и серебряные фазаны, попугаи, куропатки, олени—только стрѣлай! Озера полны рыбою—лови сколько душѣ угодно; луга зеленѣютъ травой въ ростъ человѣка, а поля засѣяны—рисомъ, маисомъ, гречихой, табакомъ, картофелемъ, дынями, бататами, сахарнымъ тростникомъ, пуса-

жены деревьями хлопчатой бумаги. У меня идетъ голова кругомъ, какъ только подумаю обо всей этой роскоши!

Жена, слушая это, молча качала головой и думала: лучше воробей въ рукахъ, чѣмъ орелъ въ облакахъ. Одни дѣти раздѣляли восторгъ отца. Тринадцатилѣтній Альбертъ говорилъ:— я поймаю ласку, запрягу въ повозочку, какъ лошадку, и буду развѣзжать на ней повсюду, еще наготовлю множество маленькихъ сапожковъ, вымажу ихъ внутри клеємъ и буду этимъ ловить глухихъ обезьянъ. Отыщу въ скалѣ пещеру—поселюсь въ ней какъ Робинзонъ, обзаведусь обезьянами, золотыми и серебряными фазанами, а захочется ѣсть—сорву пару кокосовыхъ орѣховъ или плодъ съ хлѣбнаго дерева—вкусный какъ свѣжая булка. Отецъ еще здѣсь купить мнѣ ружье, саблю и пистолетъ—тогда не подступай ко мнѣ медвѣдь, и берегись дикая птица.

— А я, сказалъ одиннадцатилѣтній Эмиль, устрою себѣ великолѣпнѣйшій естественный кабинетъ. Наберу на берегу моря самыхъ лучшихъ раковинъ и улитокъ; а въ лѣсу—жуковъ да такихъ, что здѣсь одного такого жука не купить дешевле десяти талеровъ. А бабочки въ полъ-аршина! а птицы! колибри, блестящая всеми цвѣтами, величиной съ муху, и страусъ ростомъ съ человѣка верхомъ на лошади,—ихъ, говорятъ, тамъ такая пропасть, что стоитъ только швырнуть камень,—такъ и попалась дюжина. Буду еще промывать золотой песокъ—его тамъ горы. А куски золота! а брилліанты! а изумруды! драгоценные камни тамъ не рѣдкость. Какъ только устрою свой кабинетъ, такъ и отправлюсь съ нимъ по свѣту, и буду зарабатывать большія деньги.

— Я думаю, мнѣ не позволятъ забрать съ собой мои куклы, говорила десятилѣтняя Мальхенъ,—ничего, такъ и быть. Въ Америкѣ я достану себѣ маленькаго дикаря;—за нитку стекляруса каждая мать уступитъ мнѣ своего ребенка, не задумываясь. Какъ я буду рада, когда онъ станетъ кричать самъ собою, и мнѣ не будетъ надобности плакать вмѣсто него, какъ за куколь, когда укладываю ихъ спать. Живой ребе-

нокъ будетъ и ѣсть отлично, я не стану держать передъ его ртомъ ложку понапрасну.

Слушая планы сестры, — мальчики хохотали. Одна двухлѣтняя Матильда не строила воздушныхъ замковъ.

II.

Отъѣздъ.

Эрихъ задумалъ переселиться не на шутку. Онъ продалъ свои запасы дровъ, всѣ готовые столярныя работы, — наконецъ спустилъ и домъ. Подмастерьевъ распустилъ еще заранѣе, кромѣ одного, уже пожилаго подмастерья, по имени Хехта, который такъ былъ привязанъ къ Эриху и его семейству, что ни за что не хотѣлъ разстаться съ ними, и собирался отправиться вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ въ Америку. Хехтъ былъ не только что отличный работникъ, но и самый честный человѣкъ, всегда онъ былъ въ прекрасномъ, веселомъ расположеніи духа, всегда смѣшилъ своими шутками и не терялся ни при какихъ обстоятельствахъ. Чтобы ни случилось, говаривалъ онъ, возьму свою котомку — и маршъ. Мнѣ все равно что ни пить, что ни ѣсть, держать ли въ рукахъ стругъ или лопату. Такой-то спутникъ былъ и надобенъ Эриху. Вмѣсто жалованья Хехтъ выговорилъ себѣ только плату за путевыя издержки.

Наконецъ Эрихъ вошелъ въ переговоры съ однимъ бременскимъ владѣльцемъ корабля и сталъ закупать все необходимое для путешествія. Изъ суммы, полученной Эрихомъ за домъ, мѣстный судъ удержалъ часть денегъ, на случай — если переселеніе въ Америку не удастся, и онъ возвратится на родину ни съ чѣмъ; если же въ продолженіи двухъ лѣтъ опасенія суда окажется напрасны, то удержанныя деньги будутъ переселенцу возвращены.

Это распоряженіе суда окончательно возстановило Эриха противъ родины, и онъ еще поспѣшнѣе сталъ закупать все,

что находилъ необходимымъ для себя въ новомъ отечествѣ, какъ-то: платье, сѣмена; земледѣльческія орудія и проч.

Наконецъ наступилъ и день отъѣзда. Можно себѣ представить каково было женѣ Эриха разставаться съ родными, друзьями, съ родиной, съ милымъ домикомъ. Эрихъ казался твердымъ; у дѣтей слезы разлуки скоро высохли.

Для большей дешевизны переселенцы предпочли ѣхать водою. Всѣхъ переселявшихся было шестидесять шесть человекъ взрослыхъ и дѣтей,—между ними были люди состоятельные и бѣдные.

Прощаясь, отъѣзжающіе махали остающимся шляпами и кричали „ура! ура!“ да здравствуетъ Америка. Жена Эриха сквозь слезы смотрѣла на отдалявшіяся зданія города, на церковь, въ которой она была крещена, гдѣ причащалась и вѣнчалась, а когда они скрылись—горько заплакала. Дѣти, напротивъ того, радостно смотрѣли на красивые зеленые берега съ раскинутыми по нимъ деревнями, на пѣнящіяся волны рѣки. Имъ стало еще веселѣе, когда Хехтъ вытащилъ

свою скрипку и сталъ наигрывать живой танецъ, а нѣкоторые изъ пассажировъ заплѣли. Музыка и пѣнье далеко разносились по горамъ и долинамъ, жители береговыхъ селеній стекались посмотрѣть на веселыхъ переселенцевъ. Мало по малу пѣнье и шутки становились все тише и тише, и наконецъ смолкли совсѣмъ, а когда стало смеркаться, и наступила вечерняя прохлада, то только и думали какъ бы скорѣе достигнуть ночлега.

Корабль присталъ къ небольшому городку, пассажиры вышли на берегъ и помѣстились на ночь въ одной изъ прибрежныхъ гостинницъ. Утромъ снова пустились въ путь, чѣмъ далѣе они плыли, тѣмъ больше имъ стало надоѣдать однообразіе путешествія. Эрихъ, привыкшій къ работѣ, втайнѣ тосковалъ по своимъ столярнымъ инструментамъ, жена его по домашнему хозяйству, дѣти по игрушкамъ и даже по школѣ.

— Чтожъ дѣлать, говорили Эрихъ, утѣшая себя и другихъ, нѣтъ розы безъ шиповъ, приѣдемъ въ Америку, — перестанемъ скучать.

Въ Бременѣ переселенцы отдохнули нѣсколько дней и сѣли на корабль, который долженъ былъ доставить ихъ въ Америку. Пассажировъ было такъ много, что корабль походилъ на Ноевъ ковчегъ. Всѣ размѣстились какъ могли удобнѣе. Семейство Эриха заняло общую каюту, отдѣльныя были слишкомъ дороги для нихъ. Пока не подняли еще якоря, большинство пассажировъ оставалось на палубѣ, въ томъ числѣ находились и дѣти Эриха, они съ любопытствомъ разсматривали огромныя мачты, паруса, канаты, руль съ колесомъ, якори и дивились быстротѣ и точности, съ которыми исполнялось каждое приказаніе капитана корабля.

Вечеромъ капитанъ угостилъ своихъ пассажировъ хорошимъ ужиномъ, затѣмъ всѣ спокойно провели первую ночь по своимъ койкамъ.

III.

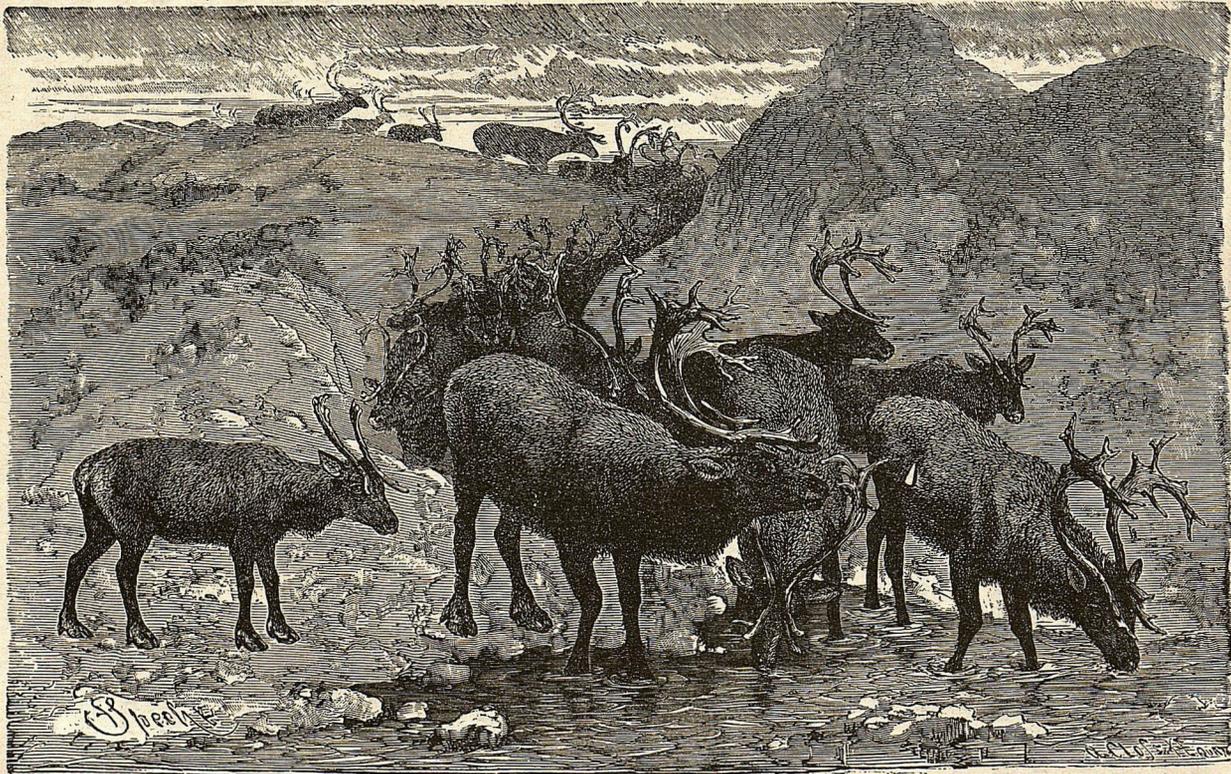
Путешествіе.

Что это такое дѣлается? закричалъ однажды утромъ, полусонный Альбертъ, чувствую что койка его качается. Онъ протеръ глаза, привсталъ и не могъ усидѣть, качка койки усиливалась. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ замѣтилъ, что не только его койка, но и другія, такъ же какъ и каюта колеблются. Встревоженный Альбертъ быстро одѣлся и взбѣжалъ по лѣстницѣ на палубу. Прежде всего его поразили шумъ, похожій на паденіе водопада, и раздувающіеся паруса. Шумѣли волны, вѣтеръ гналъ корабль съ быстротою молніи. Земля скрылась—кругомъ были только небо и вода.

— А! здравствуй, малютка, закричалъ капитанъ, увидя Альберта. Ты раньше всѣхъ поднялся. Смотри, мы вступаемъ въ открытое море.

Мало по малу палуба стала наполняться пассажирами. Въ началѣ быстрота корабля всѣхъ радовала, но увеличивающаяся качка на многихъ подѣйствовала такъ болѣзненно, что они принуждены были удалиться въ каюты. Альбертъ едва могъ стоять на ногахъ. Ему казалось, что передняя часть корабля то поднималась къ небу, то опускалась на дно. Наконецъ ему сдѣлалось такъ дурно, что онъ оставилъ палубу и сошелъ внизъ. Внизу всѣ были еще въ худшемъ положеніи—жаловались на тошноту и отвращеніе отъ пищи. Мать Альберта до того страдала морской болѣзью, что молила только о смерти. Повсюду слышались жалобы и стоны. Такъ ужасно дѣйствуетъ морская болѣзнь. Болѣзненное состояніе пассажировъ продолжалось нѣсколько дней, наконецъ они привыкли къ морю—аппетитъ и желаніе жить возвратились.

Погода сдѣлалась лучше, шутки и смѣхъ возобновились. Даже и жена Эриха поправилась, одна маленькая Матильда не переставала страдать. Не смотря на стараніе корабельнаго доктора, она не могла съѣсть ложки супа, не могла проглотить ложки лекарства. Съ каждымъ днемъ она все больше

и больше слабѣла и не сходила съ рукъ матери. Эрихъ былъ въ отчаяніи, умолялъ доктора спасти малютку, предлагалъ ему половину своего состоянія, докторъ обѣщалъ, дѣлалъ все, что могъ, и пожималъ плечами. Мать не отходила отъ ребенка, бывшаго почти въ безсознаніи. Въ девятый день болѣзни ребенокъ вдругъ въ испугѣ выведенъ былъ изъ оцѣпенѣнія шумомъ раздавшимся надъ потолкомъ, наверху шло празднество—музыка и танцы. Звуки скрипокъ и флейтъ раздирали сердце матери.—Здѣсь и умереть спокойно не дадутъ моей Матильдѣ, говорила она—заливаясь слезами,—Эрихъ побѣждалъ было на верхъ, чтобы попросить быть потише, но жена удержала его,—не оставляй насъ, сказала она, ты видишь Матильда умираетъ.

— Молитесь! проговорилъ Эрихъ дѣтямъ и вмѣстѣ съ ними упалъ на колѣни, но не успѣлъ онъ начать молитвы, какъ малютка едва слышно проговорила—ма-ма и душа ея отлетѣла на небо. Солнечный лучъ, пробравшійся сквозь люкъ, упалъ на отшедшее дитя и озарилъ ея ангельское личико.

Велико было горе всего семейства.

Эриху невольно казалось, что онъ виною смерти Матильды. Останься онъ на родинѣ, она бы не умерла.

Стали приготовляться къ похоронамъ малютки.

Похороны на морѣ не то что на землѣ.

Корабль остановился. Усопшее дитя завернули въ парусину, привязали къ длинному канату и привѣсили къ дѣвчкѣ тяжелое ядро, чтобы она опустилась до самаго дна морскаго,—и акуламъ не удалось бы проглотить ее.

Всѣ пассажиры собрались на похороны. Они пропустили впередъ огорченную семью. Въ послѣдній разъ родные прижали къ своему сердцу дорогое дитя.—Раздались удары колокола—всѣ перекрестились—и подъ тихіе, печальные звуки стали опускать малютку въ волнующееся море; когда она достигла поверхности воды, канатъ быстро отдернули, и волны приняли въ свои объятія милую добычу, очертили,

кругъ и не оставили ни малѣйшаго слѣда любимаго дитяти осиротѣлой матери.

Эрихъ отнесъ въ каюту лишенную чувствъ жену.

Наступилъ тихій вечеръ, взошелъ ясный мѣсяцъ и освѣтилъ море. Эрихъ уговорилъ жену выйти на палубу.

— Гдѣ могила моей крошки? сказала она рыдая, — блуждая взорами по едва волнующемуся морю.

— Тамъ—отвѣчалъ печально Эрихъ, и указалъ женѣ на оставшуюся за ними безконечную даль, озаренную золотымъ свѣтомъ мѣсяца. Она оглянулась—тысячи легкихъ волнъ, вершины которыхъ сверкали точно алмазами, показались ей надгробными памятниками ея Матильды. Отъ спокойнаго моря она подняла взоры, полные слезъ, къ небу. Въ небѣ, горѣвшемъ звѣздами, было еще лучше, чѣмъ на волнахъ. Ей казалось, что изъ каждой звѣздочки радостно улыбаются ея Матильда и ласковымъ взоромъ говорятъ: „не плачь“!

Вдругъ, среди глубокой тишины ночи, откуда-то раздались нѣжные звуки флейты—это Хехтъ игралъ молитву, нѣсколько голосовъ стали подтягивать ему и стройное пѣніе огласило палубу корабля — отразилось въ волнахъ, возвысило и успокоило души. Слезы матери лились, но это были слезы не отчаянья, а надежды и утѣшенія. Въ эту ночь она въ первый разъ уснула спокойно со времени болѣзни дочери.

Л. Ловягина.

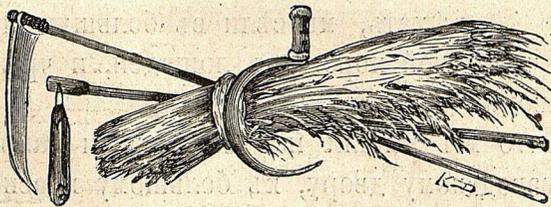
(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

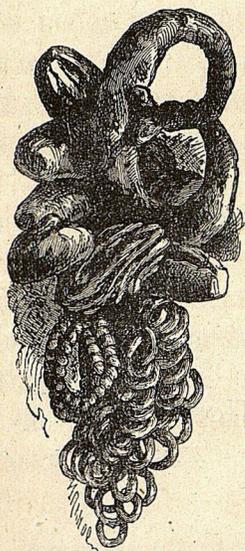
СОНЪ ПОЛЕЙ.

Одѣяломъ бѣлоснѣжнымъ
Всѣ укутаны поля,
Сномъ тяжелымъ и мятежнымъ
Спитъ застывшая земля:
Грезится ей утро мая
Съ блескомъ солнечныхъ лучей,
Въ небѣ тучка дождевая,
Росы теплыя ночей,
Въ синевѣ небесной трели,
По дорогѣ пѣсня жницъ,
Звукъ пастушеской свирѣли
И игра ночныхъ зарницъ...

Николай Лозняковъ.

НА СВЕКЛО-САХАРНОМЪ ЗАВОДѢ.

ВЪ НѢСКОЛЬКИХЪ верстахъ отъ нашей деревни, при большомъ торговомъ селѣ Торешкахъ, стоялъ сахарный заводъ.

Директоръ завода, мой хорошій знакомый, нѣсколько разъ просилъ меня посмотреть заводъ. Воспользовавшись его приглашеніемъ, въ одинъ ясный, сентябрьскій день, поѣхалъ я, въ обществѣ своихъ хорошихъ друзей, посмотреть, какъ и откуда получается тотъ чистый, бѣлый сахаръ, которымъ мы привыкли лакомиться съ самаго ранняго возраста.

Вставъ пораньше, чтобы не жарко было ѣхать, мы сѣли въ большую линейку, запряженную четверкой хорошихъ лошадей, и чрезъ два часа были на заводѣ.

Только что мы вышли изъ экипажа и направились, по широкому заводскому двору, къ большому красному зданію, какъ къ намъ подошелъ директоръ завода, высокій, полный господинъ, въ легкомъ парусиновомъ платьѣ и въ бѣдой фуражкѣ на головѣ.

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ (такъ звали директора), сказалъ я, обращаясь къ нему, вотъ мы къ вамъ приѣхали посмотрѣть, какъ вы добываете сахаръ.

Я представилъ моихъ спутниковъ.

— Очень, очень радъ, сказалъ онъ, здороваясь со всѣми, что васъ это интересуеть. Только сперва пойдѣте въ контору, вы тамъ посидите, отдохнете, я вамъ расскажу какой бываетъ сахаръ, и гдѣ онъ встрѣчается въ природѣ, потомъ пойдѣмъ на заводъ и посмотримъ, какъ онъ получается. Мы съ радостью согласились и шумной толпой пошли за директоромъ. Дѣйствительно, проѣхавъ около пятнадцати верстъ, чувствовалась нѣкоторая усталость и утомленіе. Проходя дворомъ, мы встрѣчали большія телѣги, на которыхъ везли дрова, свекловицу, известку или что нибудь другое. Рабочіе суетливо одни обгоняли насъ, другіе шли на встрѣчу, удивленно посматривая на насъ. Высокая заводская труба выбрасывала облака чернаго дыма, разсѣявавшася въ голубомъ небѣ. Взойдя въ контору, заставленную конторками, шкафами и бумагами, мы помѣстились вокругъ небольшого столика, за которымъ сѣлъ директоръ, и начали его слушать.

— Въ природѣ сахаръ встрѣчается только въ растительномъ царствѣ, началъ директоръ, очень многіе цвѣты, плоды, а также сокъ стеблей и стволовъ содержатъ сахаръ. Сахарный тростникъ, сахарный кленъ, свекловица, дыня, арбузъ, маисъ, яблоки, груши и разныя другія ягоды сладки потому, что въ нихъ есть сахаръ.

Но не со всѣхъ растений можно получить тотъ крѣпкій сахаръ, который мы привыкли употреблять въ пищу.

Сахаръ бываетъ двухъ родовъ: тростниковый или кристаллическій и плодовый или не кристаллическій.

Тростниковый сахаръ и плодовый различаются тѣмъ, что тростниковый кристаллизуется въ маленькіе блестящіе кристаллы (кусочки, имѣющіе опредѣленную форму), а потому бываетъ твердъ и крѣпокъ; плодовый же не кристаллизуется, а получается въ видѣ неправильныхъ крупинокъ—нечистыхъ

и непрозрачныхъ; и въ $2\frac{1}{2}$ раза менѣе перваго сладокъ. Тотъ крѣпкій, блестящій сахаръ, которымъ мы лакомимся каждый день, и есть кристаллическій или тростниковый. Если мы станемъ разсматривать сахарный песокъ, то увидимъ, что онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ крѣпкихъ, опредѣленной формы, кристалловъ.

Сахарный тростникъ, клень, свекловица, сорга содержатъ въ своемъ сокѣ растворъ готоваго кристаллическаго сахара, который можно получить въ чистомъ видѣ.

Картофельная патока, медъ, виноградъ, различные плоды и ягоды содержатъ въ своемъ сокѣ плодовый сахаръ, который въ пищу человѣка не употребляется.

Плодовый сахаръ можно извлекать искусственно изъ крахмала, клѣтчатки растений, и изъ кристаллическаго сахара; но тростниковый сахаръ искусственно приготовить нельзя. Въ глубокой древности люди знали сахаръ и любили имъ лакомиться; но тогда онъ составлялъ большую рѣдкость, цѣнился дорого и былъ доступенъ только знатнымъ людямъ. Рассказываютъ, что въ 1087 г. въ Багдадѣ, халифъ Маскиди Бенритталъ, для встрѣчи своей невѣсты, на столъ истратилъ 80,000 фун. сахару. По этому можно судить, какъ давно арабы знали сахаръ, но тотъ сахаръ былъ далеко не такъ чистъ, бѣлъ, красивъ, какъ теперь, онъ былъ желтовато-темнаго цвѣта.

Въ прежнее время сахаръ получался только изъ сока сахарнаго тростника. Другаго растенія, изъ котораго можно было бы извлекать сахаръ, не знали.

Востъ-Индія и Китай съ давнихъ поръ славились сахарными плантаціями. Тамъ цѣлыя поля засаживались тростникомъ, уничтожались громадныя лѣса, почва разравнивалась и по ней рассаживалось это драгоцѣнное растеніе.

Востъ-Индія долгое время снабжала весь свѣтъ своимъ сахаромъ и брала за него большія деньги.

Сахарный тростникъ подходитъ къ нашему простому

тростнику или камышу, что растетъ по берегамъ рѣкъ и болотъ, только гораздо выше, величественнѣе и красивѣе.

Онъ принадлежитъ къ семейству злаковъ; стволъ его, достигающій отъ 8 до 20 футовъ высоты, составленъ изъ отдѣльныхъ суставовъ, изъ колѣнъ которыхъ выходятъ длинные листья.

Въ декабрѣ появляется на тростникѣ цвѣтокъ, въ видѣ красивой большой метелки.

Уходъ за сахарными плантаціями, сборъ тростника и получение изъ него сахара,—все это дѣлалось и еще дѣлается неграми-невольниками. Безчеловѣчные удары нагайки плантаторовъ, недостатокъ пищи и палящій жаръ тропическаго солнца безпрекословно переносили эти несчастные, исполняя тяжелую работу.

Въ прежнее время сахаръ получался изъ тростника, очень просто; срубленный тростникъ пропускался чрезъ чугунные тяжелые валы. Валы, сдавливая тростникъ, выжимали изъ него сокъ; сокъ, для очищенія, кипятили съ известью и очищенный вышаривали на сковородахъ до тѣхъ поръ, пока онъ начиналъ кристаллизоваться.

Понятно, сахаръ, полученный такимъ образомъ, былъ не чистъ, желтъ и съ примѣсями.

Такъ какъ сахарный тростникъ растеніе тропическаго климата, то въ Европѣ расти оно не могло, поэтому весь сахаръ, которымъ пользовались европейцы, былъ привозной и цѣнился очень дорого.

Въ прошломъ столѣтіи, европейцы начали искать дома растеніе, которое могло бы давать такой же сахаръ, какъ и сахарный тростникъ.

3 марта 1745 года, знаменитый химикъ Маркграфъ, уроженецъ Берлина, открылъ такое растеніе. Это растеніе было обыкновенная силезская свекловица.

Ученые товарищи Маркграфа, завидуя его славѣ и богатству, которое онъ могъ получить отъ своего открытія, старались представить въ смѣшномъ видѣ его открытіе и до-

бились успѣха; со смертью Маркграфа *) его открытіе было забыто. Но прошло нѣсколько времени, и ученикъ Маркграфа Ахардъ, послѣ ряда опытовъ, открылъ въ Силезіи первый свекло-сахарный заводъ. Съ тѣхъ поръ полученіе сахара изъ свекловицы съ каждымъ годомъ увеличивалось и постепенно вытѣсняло привозный сахаръ. Теперь, все громадное количество сахара въ Россіи, и даже во всей Европѣ, получается изъ свекловицы, а привознаго сахара почти нѣтъ.

Всякій изъ васъ, снова началъ директоръ послѣ нѣкотораго молчанія, хорошо знаетъ свеклу или буракъ, какъ его обыкновенно называютъ, изъ котораго готовится такой вкусный борщъ и другія кушанья, но красный буракъ для полученія сахара не годится, для этого есть особенные сорта свекловицы съ бѣлымъ грушеобразнымъ корнемъ.

Свекловица сѣется въ мартѣ, а сборъ ее бываетъ въ сентябрѣ.

Въ свекловицѣ надобенъ корень, въ сокѣ котораго и содержится сахаръ; стеблевая же часть не годится.

Теперь, узнавъ исторію сахара, пойдѣте посмотримъ заводъ и прослѣдимъ, шагъ за шагомъ, какъ получается сахаръ, закончилъ директоръ и всталъ изъ-за стола.

Мы поблагодарили его за рассказъ и дружной толпой вышли за нимъ на крыльцо конторы, гдѣ и остановились, въ ожиданіи куда онъ насъ поведетъ.

Солнце ярко свѣтило и обдавало пріятной, мягкой теплотой всю природу. Любо было смотрѣть на кипучую кругомъ заводскую дѣятельность. Въ воздухѣ проносился какой-то неясный говоръ, а по временамъ рѣзкій свистокъ паровой машины.

— Прежде всего пойдѣте посмотримъ, какъ хранится свекловица въ продолженіи зимы, сказалъ директоръ, окончивъ разговоръ съ высокимъ плечистымъ рабочимъ.

— Свекловица хранится на дворѣ, снова началъ онъ,

*) 1773 г.

когда мы направились за нимъ, сложенная въ большіе ярусы или груды.

— Нельзя-ли намъ посмотрѣть, какъ растутъ бураки? спросилъ я директора.

— Кто же изъ васъ не знаетъ, какъ растетъ обыкновенный бурракъ. Точно такъ же растетъ и сахарная свекла. Съется она на супесковой почвѣ; почву эту она любитъ. Когда же она созрѣетъ, обыкновенно въ сентябрѣ, но ее выкапываютъ лопатами или просто выпаживаютъ сохами, очищаютъ отъ земли и верхней стеблевой зеленой части и привозятъ на заводъ.

— Посмотрите, вотъ везутъ съ поля свеклу, прибавилъ директоръ, останавливая вереницу большихъ высокихъ повозокъ (гарбъ), наполненныхъ бѣлой крупной свекловицей. Мы подошли къ остановившимся повозкамъ, и, взявъ въ руки по бураку, начали ихъ разсматривать. Формой и величиной они походили на наши красные бураки; только цвѣтомъ бѣлые и сладки.

— Ну, трогай, крикнулъ директоръ рабочимъ, когда мы кончили осмотръ. Рабочіе замахали своими длинными бичами, промолвили свое цобъ, цобъ, и волю, понуря головы, повезли тихо повозки.

Мы пришли на просторное, ровное мѣсто, гдѣ стояли длинныя груды, прикрытыя соломой, а сверху землей.

— Въ этихъ грудяхъ хранятся бураки, сказалъ директоръ, вырывается длинная неглубокая канавка и прикрывается сверху хворостомъ. На эту канавку насыпаются бураки, высотой аршинъ 5 и прикрываются соломой, а потомъ землей. По гребешку кладется трехгранная деревянная труба. Воздухъ, входя въ нижнюю канавку и выходя въ эту трубу, освѣжаетъ внутренность груды. Не будь этого, бураки бы внутри согрѣлись и испортились. Зимой солома и земля служатъ буракамъ шубой. Отъ сюда бураки везутъ на заводъ; куда мы съ вами и отправимся, прибавилъ онъ, приглашая насъ слѣдовать за нимъ.

Пройдя большой дворъ, заставленный нагруженными свекловицей повозками, мы приблизились къ громадному красному зданію, съ безчисленными окнами и дверями. Сквозь открытыя окна и двери слышался шумъ машинъ и несвязный говоръ людей.

Мы вошли въ большое помѣщеніе.

— Здѣсь, началъ директоръ, стоитъ промывная машина, которая промываетъ бураки холодной водой. Съ этого и начинается сахарное производство.

Промывная машина состояла изъ большого желѣзнаго цилиндра, съ небольшими круглыми отверстіями. Цилиндръ былъ погруженъ на $\frac{1}{3}$ въ воду и постоянно вращался. Съ правой стороны, чрезъ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ, падали въ него бураки и съ лѣваго конца вываливались чистыми.

Внутри цилиндра желѣзная ось, на ней придѣланы лопатки, ось вертится, лопатки перемишиваютъ бураки и выбрасываютъ ихъ чистыми. Въ резервуаръ постоянно притекаетъ чистая вода, а грязная уходитъ.

Двое рабочихъ лопатами бросали чистые бураки въ жестяные ящики и уносили во второй этажъ.

— Сладкій сахаръ, замѣтилъ директоръ, когда мы подробно осмотрѣли машину, находится въ сокѣ бурака, въ особенныхъ маленькихъ пузырькахъ или сосудикахъ, называемыхъ клѣточками. Чтобъ больше получить сока, бураки растираются въ кашку, при чемъ клѣточки разрываются. Теперь пойдете посмотримъ какъ это дѣлается, прибавилъ директоръ и повелъ насъ по широкой лѣстницѣ въ верхній этажъ.

По мѣрѣ того, какъ мы поднимались, до насъ доносился яснѣе шумный говоръ рабочихъ и какой-то металлическій рѣзкій звукъ.

— Что это шумитъ? спросилъ я директора.

— Это терка, истираетъ бураки въ кашку.

Мы взшли въ большое помѣщеніе, съ громадными окнами по обѣимъ сторонамъ.

Всюду толпились рабочіе; мужчины, женщины и мальчики, съ засученными рукавами, босикомъ, суетливо передавали другъ другу то ведро, то какіе-то желѣзные листы или широкія салфетки.

Посреди залы возвышались двѣ большія машины, около которыхъ также толпились рабочіе; это были гидравлическіе прессы.

Мы подошли къ теркѣ; она имѣла видъ небольшого ящика, съ боковъ котораго вращались большіе и маленькіе колеса.

Директоръ приказалъ открыть верхнюю крышку терки, и мы увидѣли быстро вращающійся барабанъ. Бураки скатывались сверху по дощечкѣ подъ барабанъ и растирались въ мягкую кашку, которая сейчасъ же изъ бѣлой превращалась въ темно-красную. Это насъ удивило.

— Барабанъ этотъ, началъ директоръ, составленъ изъ тонкихъ желѣзныхъ пилокъ, бураки, попавъ подъ нихъ истираются въ кашку или мязгу, какъ ее называютъ на заводахъ.

Кашку рабочіе брали ведрами и носили къ двумъ длиннымъ столамъ, за которыми работали женщины.

Онѣ выкладывали кашку въ большую шерстяную салфетку, разравнивали потомъ, завернувъ концы салфетки, накрывали ее большимъ желѣзнымъ листомъ; на листъ растилали новую салфетку на нее опять кашку, и это повторяли до тѣхъ поръ, пока салфетки съ кашкой, съ проложенными листами становились похожи на колонну. Эту колонну на колесикахъ по маленькимъ рельсамъ, лежащимъ на столѣ, подвигали къ большому гидравлическому прессу.

— Гидравлическій прессъ, началъ директоръ, выжимаетъ изъ кашки сокъ. Верхняя желѣзная платформа неподвижна, а нижняя давленіемъ воды можетъ подниматься кверху и сжимать съ страшною силою все, что будетъ находиться между ею и верхней платформой.

Сила, заставляющая прессъ дѣйствовать—вода, она втал-

кивается подъ нижнюю платформу давить на толстую желѣзную колонну, на которой держится нижняя платформа и поднимаетъ ее. Вотъ вы сейчасъ увидите, какъ дѣйствуетъ прессъ, прибавилъ директоръ, и приказалъ пустить его. Нѣсколько рабочихъ подвинули только что приготовленную колонну салфетокъ съ кашкой, которую они называли нарядомъ, на нижнюю платформу прессы. Пустили небольшую паровую машину; машина привела въ дѣйствіе насосы, а насосы погнали по трубѣ воду подъ платформу прессы.

Нарядъ началъ приподниматься кверху. Какъ только верхній листъ съ кашкою коснулся неподвижной платформы, такъ темный сокъ брызнулъ широкой струей изъ салфетокъ и полился по особо устроенному жолобу. По мѣрѣ того какъ нарядъ сжимался, сокъ вытекалъ сильнѣе и сильнѣе.

Когда остановили паровую машину и открыли кранъ, прожатый нарядъ началъ опускаться, сжатый на двѣ трети меньше.

Мы развернули салфетку, тамъ была сухая твердая масса, называемая жомомъ, которая идетъ на кормъ скота.

— Иванъ Петровичъ, спросилъ я директора, отъ чего бурчатый сокъ темный, а свекла бѣлая.

— Въ сокѣ бурака есть красящее вещество, которое отъ дѣйствія воздуха окрашиваетъ въ темный цвѣтъ, отвѣтилъ онъ; этотъ сокъ содержитъ кромѣ сахара много постороннихъ веществъ (бѣлковыхъ и минеральныхъ), сокъ прямо съ прессовъ идетъ на очистку, которую сейчасъ увидимъ.

Николай Кувшинниковъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 мая 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.